

— Вы вон ~~чужого мирных людей~~ расстреливали.

— Ишь ты! А как вы триста лет расстреливали?

На Тверской бледный старик генерал в серебряных очках и в черной папахе что-то продает, стоит робко, скромно, как нищий...

Как потрясающе быстро все сдались, пали духом!

Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас. Кстати, — почему именно «легион»? Какое обилие новых и все высокопарных слов! Во всем игра, балаган, «высокий» стиль, напыщенная ложь... Жены всех этих с.с., засевших в Кремле, разговаривают теперь по разным прямым проводам совершенно как по своим домашним телефонам...

«10 февраля.

«...Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно...» Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли?..»

Бунин, когда писал процитированные выше строки, был, как

видим, бесконечно далек от того, чтобы рядиться в тогу философа-мыслителя, ученого-гуманиста, стоящего над схваткой, без гнева и пристрастия осмысляющего «объективные и субъективные причины русской революции». Как ни парадоксально на первый взгляд, в этом и состоит его особая правота.

И с точки зрения общечеловеческой морали: нет резона в том, чтобы искать рациональные мотивы, оправдания для тотальной бесовщины, всеобщего расчеловечения, изуверства, массовых убийств. Гораздо правильнее и полезнее предотвратить повторение всего этого в будущем.

И с точки зрения законов исторического развития (той же диалектики): Россия ценой невиданных жертв построила у себя «бесклассовое общество»... С тем, чтобы уже через несколько десятков лет в ней образовались такие классы, которые никаким маркс-сам-энгельсам и в дурном сне бы не приснились. И с точки зрения этноконфессиональных, культурно-исторических особенностей. К примеру, нынешним «свидомым украм» сильно не нравится, когда их революцию-2013–2014 сравнивают с недавними схожими процессами в Ливии и Сирии. Хотя при внешних различиях

идеологических химер, которыми подпитывались революционеры и ведомые теми толпы, плоды их коллективных усилий, по сути, тождественны. И с многих-многих других точек...

Здесь приведены отрывки из самого начала «Окаянных дней», что можно расценивать, пожалуй, как призыв к прочтению целиком удивительно актуальной в наши дни книги. Очевидно, что не все мысли Бунина, отраженные в дневниковых записях, покажутся ныне абсолютно взвешенными, бесспорными. Классик, похоже, к этому и не стремился. Он явно хотел принести пользу не только историкам, но всем нам, своим будущим соотечественникам. Прежде всего тем, кто не видел воочию, не испытал на себе ужасов революций и гражданских войн. Тем, кто до сих пор продолжает жить наивными — врожденными либо внушенными — иллюзиями на сей предмет: «Это где-то там, далеко. Мы не такие. С нами номер не пройдет...».

«Где-то там, далеко» было еще каких-нибудь полгода назад, не правда ли? А сейчас? То-то и оно.

И, конечно, нелишне иметь в виду: русская классика описывает дьявольские вакханалии (тире социальные катаклизмы) гораздо лучше любых «прогрессивных» теорий.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Гражданская война на Донбассе. 2014